

КВАРТАЛ ВТОРОЙ

О короне разумов — единобожии, превознесении, восхвалении и прославлении Бога

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О Боге, кроме Которого нет бога, и невозможности Его ничтожности

Мы скажем: непреложные законы гласят, что поддерживаемое следствие (*ма'лӯль*) может существовать лишь благодаря своей поддерживающей причине (*'илля*), которая делает его бытие необходимым. С сей причиной его бытие связано, и на нее оно в своем бытии опирается: не будь ее, не было бы и его. Теплота, например, не существует без своей поддерживающей причины, которая делает ее бытие необходимым, с которой ее бытие связано и на которую она в своем бытии опирается; эта причина — движение, и не будь его, не было бы и ее. И движение не существует без своей поддерживающей причины, которая делает его бытие необходимым, с которой его бытие связано и на которую оно в бытии опирается, а именно двигателя, не будь которого, не было бы и его (движения. — А. С.). Или составные телесные порождения, которые существуют благодаря первоэлементам (*устукусс*): с первоэлементами связано бытие их, на них они в своем бытии опираются, и не будь их, и тех бы не было. Или первоэлементы, которых не было бы, не будь тех материи и формы, на бытие которых они опираются в своем бытии. Или материя (*мāдда*) и форма, которых не было бы, не будь тех причин (*асбāб*), на которые обе они опираются в своем бытии и от бытия которых

и их бытие может происходить, а именно небесных тел и высших форм.

Так вот, поскольку одно из сущего опирается в своем бытии на другое, и поскольку, будь то, на что сие в бытии своем опирается и с чем бытие его связано, неупроченным (*зайф сāбит*) в бытии или не существующим, то и бытие сего было бы невозможно, — итак, поскольку доказано, что сие существует только благодаря тому, то отсюда вытекает, что Тот, к Кому восходит все сущее, существующее благодаря Ему, от Него и опираясь на Него, есть Бог (кроме Которого нет бога), Чья ничтожность (*лайсийя*) невозможна и отрицание оности Которого ложно: если бы Он был ничем (*лайс*), то и все сущее было бы ничем, а поскольку сущее есть, то и Его ничтожность невозможна.

Кроме того, поскольку противоположностям свойственно существовать только посредством утраты противоположного им, а сущее противоположно и его сущности различны и несовместимы, но оно со всеми своими противоположностями существует (так что ничто не утрачивается из-за существования своей противоположности) и все они сохраняемы под сенью бытия, то отсюда вытекает, что Тот, благодаря Кому противоположность утрачивает свое природное свойство терять бытие вследствие бытия своей противоположности (так что одна противоположность оказалась охраняема от другой), есть Бог, кроме Которого нет бога, Чья ничтожность невозможна. Ведь если бы Он был ничем, то и бытие противоположных вещей было бы ничем, а поскольку сущности противоположных вещей существуют, опираясь на Его водительство (*сийса*), то и Его ничтожность невозможна.

Всеславен Тот, Кем сохраняемо бытие вещей при противоположности их сущностей и различии их форм. Нет бога кроме Бога; немота сковывает язык, когда душа порывается постичь его Его словами и останавливается в смятении, уверившись в бессилии своем; и лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ВТОРАЯ

О том, что Всевышний не может быть никаким «нечто»

Поскольку нечто (*'айс*) как таковое нуждается в том, на что оно опирается в бытии (о чем уже было сказано), и поскольку Он (да славится величие Его!), будучи Самим Собою, выше всякой нужды в чем-либо ином, в связи с чем Он и есть Он, то отсюда вытекает, что Всевышний не может быть никаким «нечто». Ведь нечто потому и есть нечто, что ему предшествует то, что и сделало его сим «нечто». Невозможно, чтобы Всевышний был таким «нечто», и Он (поскольку Он есть Он) не нуждается в ином, посредством чего становился бы Собою, а следовательно, и опирался бы [в бытии] на то иное: Он неизмеримо выше и славнее подобного. Поскольку же Он (славен Он и велик!), будучи Самим Собою, не нуждается в чем-либо ином, в связи с чем Он и есть Он, то Он не может быть никаким «нечто».

Кроме того, будь Всевышний Бог таким «нечто», то неизбежно Ему быть либо субстанцией, либо акциденцией. Если Он субстанция, то неизбежно Ему быть либо телом, либо не-телом. Если Он есть тело, то разделение Его самости на то, благодаря чему она существует, влечет за собой бытие Ему предшествующего, поскольку любому множественному всегда что-то предшествует, тогда как Он в великой славе своей выше того, чтобы Ему что-нибудь предшествовало. Если же Он есть не-тело, то неизбежно Ему быть либо в потенции, как души, либо в акте, как разуму. Если Он потенциален, то нужна Его в том, что переводит Его в акт, влечет за собой [бытие] Ему предшествующего, а Он выше подобного. Если же Он актуален, то неизбежно должен быть либо воздействующим на собственную самость, не нуждаясь в ином, чрез что исполняется Его действие, либо воздействующим на иное, чрез что исполняется Его действие. Если Он воздействует на иное, чрез что исполняется Его действие, то сие — следствие ущербности (*нуқсан*) Его в своем действии, и нужна Его в том, чрез что исполняется Его действие, предполагает бытие Ему предшествующего, тогда как Он выше подобного. Если же Он воздействует на собственную самость, не нуждаясь в ином, чрез что исполняется Его действие, то лишь потому, что самость Его вобрала

в себя различные соотношенности многообразных смыслов: Он и самостно действующий, и самостно претерпевающий; а сие предполагает, что есть что-то, от чего Он получил бытие и в чем нет проистекающих от сих соотношенностей множественности (*кафра*) и малости (*қилля*)¹, тогда как Он выше подобного. Итак, если Он субстанция, то неизбежны в Нем сии разделенности, тогда как Он свободен от всяких следов нужды и множественности, неотъемлемых от субстанции, и, следовательно, субстанцией Он быть не может.

А если Он акциденция, то ведь акциденция в бытии своем опирается на ей предшествующую субстанцию, чрез которую и существует, а Он выше и славнее того, чтобы оность Его была связана с Ему предшествующим, и, следовательно, быть акциденцией не может.

Итак, поскольку «нечто» обязательно является либо субстанцией, либо акциденцией, а Всевышний не может быть ни субстанцией, ни акциденцией, тем самым Он не может быть таким «нечто».

Далее, «нечто» не может быть не субстанцией и не акциденцией. Если таковым «нечто» является Всевышний, тогда Ему необходимо будет предшествовать то, что существовать не может. А именно, если будет некое «нечто», которое не является ни субстанцией, ни акциденцией (подобно тому, как «нечто»-субстанция не является акциденцией, а «нечто»-акциденция не является субстанцией, так и Он был бы Он, ни субстанция, ни акциденция), то оно будет одним из видов рода «нечто», подпадающим под сей род, и тогда ему (а сие нечто — Всевышний) будет принадлежать все то же, что одновременно принадлежит и субстанции, и акциденции, к сему роду относящимся, и оно будет отличаться и от субстанции, и от акциденции чем-то особенным (как субстанция отличается от акциденции и акциденция от субстанции тем, что для каждой из них особенное), и будет соучаствовать им обоим в том, в чем они друг другу соучаствуют (подобно тому, как субстанция соучаствует акциденции, а акциденция — субстанции в том, что у них есть общего). Тогда самость этого «нечто», отличаясь от прочего в одном и имея с ним общность в другом, будет содержать две части, коими и поддерживается ее бытие. Между тем, если самость чего-либо разделяется подобным образом на то, благодаря чему оно есть, то оно — множественное, и имеется ему предшествующее, на которое оно и

опирается в своем бытии. Таким образом, множественность его предполагает предшествование немножественного (ибо лишенное множественности предшествует множественному), а будучи одним из видов «нечто» (таким видом, что, будучи мысленно устранен, делает невозможным существование и всех прочих видов), оно требует того, посредством чего оно есть оно, тогда как Всевышний превыше такой множественности, которая влечет предшествование Ему, и превыше той принадлежности виду, при которой требуется что-то иное для того, чтобы Его оность была Им; а коль скоро Он превыше такого, то Он не может быть никаким «нечто».

Кроме того, если Всевышний есть нечто, то либо сам Он дал это свойство Своей самости, либо нечто иное дало ей его. Сам Он Себе не может придать это свойство, ибо это означало бы, что Он [до того] был лишен его, а сие было бы чудом превращения и возникновения, как если бы Он не был, а затем стал: такое невозможно, ведь то, что не воплощено ни в одной из двух частей бытия², не может затем обрести бытие; если же за Ним стоит нечто действующее, то с таковыми действующим и связано Его бытие. Невозможно также, чтобы нечто иное придало Ему свойство быть «нечто», ибо тогда бы оно предшествовало Ему. А раз ни то, ни другое невозможно, то и чтойность Его невозможна, а оность Его следует полагать вне пределов всяких «нечто», бытие коих связано с тем, что Он создал их. Да славен будет тот, кто, поднявшись к постижению Его, присовокупит Им созданному причитающийся атрибут — растерянность (*хайфа*); нет бога кроме Него, и лишь Он дарует крепость и силу; к Нему взываю о помощи и на Него уповаю: Он о рабах Своих сведущ.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О том, что Всевышний не постижим ни одним из атрибутов, что Он не тело и не в теле, и не понимает Его самость разумеющий, и не ощущает Его ощущающий

Мы скажем: Всевышний величайшей славностью Своей скрыт, как покрывалом, от всех рычагов постижения сущего, Он вне пределов того, что обретают людские

орудия [познания], постигая различные «нечто» в их интеллигибельных и сенсигельных частях — ведь Он не из рода «нечто», Он вознесен над ними подобно солнцу, что скрыто от постигающего взгляда, ибо Он, поскольку Он есть Он, таков, что самости их не могут постичь Его ни одним атрибутом, а оность Его (как таковая, благодаря себе самой) отлична от всех вещей во всех отношениях. Разуму и чувству не схватить Его в Его всеславной мощи, в которой всякая иная мощь бессильна. Он, поскольку Он есть Он, накладывает печать молчанья на уста, сковывает язык, лишает разум силы постижения, а душу — представления. Не описать Его ничем, что говорится о Нем, будь то предельное совершенство или конечное величие — ведь даже это приличествует иному, тому, что кроме Него, что неизбежно бывает либо субстанцией, либо акциденцией. Ведь то, в чем существуют атрибуты различности и разделенности (признаваемые гласно или молчаливо), устроено так, что самость его существует благодаря тому, на что она разделена, а это влечет необходимость предшествующего, от которого и проистекает его бытие, тогда как Он, Всеславный, выше разделенности и свободен от ущербности или полноты (*тамъм*): Он выше сих примет, что обусловили бы причинность в отношении Его оности. А если Его постигают атрибутом или приписывают Ему какой-либо атрибут, то сии атрибуты заимствованы от сущего в произведенном бытии, и наделены ими те самости, что неотъемлемы от сотворенного мироздания.

Понятно, что если мы приписываем вещи чужой атрибут, то тем самым лжем, ибо приписали вещи то, чего у нее нет, и описали ее тем, что по праву принадлежит иному. Это самая настоящая ложь. А раз так и коль скоро сказываемое о Всевышнем Боге есть атрибут не Его, а переносимый на Всевышнего с иного, то ясно, что приписывающие Ему атрибуты лгут, ибо описывают Его чужими атрибутами, и что в мощи [Его] меркнет та сила, что пытается отдать Всевышнему должное.

Кроме того, хорошо известно и не подвергается сомнению, что разум не способен изобрести такой атрибут, которого не было бы среди подверженного действию природных причин, и что душе не по силам помыслить (*таваххум*) такое, что не было бы укоренено в природе. Так как

же разуму подняться и обратить свой лик к Нему, к Его ослепительному сиянию, которое для разума подобно блеску солнца для наших глаз? Падет он ниц, прославляя Его, раскаиваясь в содеянном, узнав, что алкаемое им невозможно. Как ему подвигнуть себя к таковому, когда в том погибель его, как гибельна для глаза встреча с ликом солнца?

Кроме того, ведь Всевышний не является телом, когда бы мы могли говорить о Нем, как говорят о телах; и не в теле Он, так что нельзя о Нем говорить как о чем-то, находящемся в теле. Будь Он телом или в теле, Ему бы неизбежно нечто предшествовало, как мы то доказали в своем трактате «Наставляющий».

Всевышний, далее, не разделен (*мункасим*), так что нельзя говорить и об отдельных частях Его, ибо будь Он разделен, то разделенность Его влекла бы предшествующее Ему, посредством коего и существовала бы Его самость. И нет у Него границы-определения (*хадд*), по которой можно было бы показать Его природу, к примеру, как длина, ширина и глубина являются границей тела и его природой, или же материя и форма — его определением, так что оно познаваемо. Не является Он ни составным (*мураккаб*), когда Его можно было бы разложить на то, из чего Он составлен, и познать, ни входящим в составное, когда Его можно было бы познать по тому конечному совершенству, к коему приходит процесс составления.

Не относится Он и к познаваемому силлогизмом, когда сетями посылок можно было бы изловить знание о Нем, ибо познаваемое чрез послылки подобно самим послылкам. Ведь цель постижения Его чрез послылки — представить Его природу так, как то представимо из природы послылок, послылки же можно получить и выстроить лишь чрез полученное либо чувством, либо разумом знание, не замутненное сомнением. Однако Он не сенсибелен и не интеллигивелен, когда бы пути Его постижения были известны; а так (поскольку Он выше того, чтобы быть сенсивельным или интеллигивельным) врата постижения закрыты: будь Он сенсивелен, чувства постигали бы Его, а будь Он интеллигивелен, то постичь Его можно было одним из пяти путей: определением, разделением, разложением, составлением и силлогизмом. Поскольку же Он ни сенсивелен, ни интеллигивелен, то невозможно сказать о

Нем ничего, что говорится о них (вещах.— А. С.): Он, поскольку Он есть Он, вовсе не постижим, вознесенный над Им сотворенным в Своем величии, подобном величию необъятного океана. Он — Всевышний над ними, и не в их власти достичь знания о Нем. О сем говорится, что Всевышний вне совершенства и выше величия: разум задыхается под гнетом Его могущества. Всеславен обладающий сим могуществом; нет бога кроме Него, Господа Великого Престола¹.

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что Всевышний не есть ни форма, ни материя и что нет у Него (поскольку Он есть Он) ничего наподобие материи, на которую Он воздействовал бы: Он славнее и превыше этого

Мы скажем: Всевышний выше того, чтобы быть формой, ибо в бытии своем форма нуждается в том, формой чего она является, а нуждается для своего бытия в бытии иного есть характеристика творения, которое обязательно восходит к тому, что не есть ни форма, ни что-либо иное нуждающееся. Он также выше того, чтобы быть материей или чем-то наподобие ее, ибо она в бытии своем неотъемлема от того, материей чего она является и чьи воздействия приемлет. Всевышний также пречище того, чтобы быть ими обеими (формой и материей), ибо тогда Его самость была бы разделена на форму и материю, каждая из которых для своего бытия нуждалась бы в бытии другой, так что их самости требовали бы предшествующего им обеим, более правильного в своей самости, нежели они. Исключено также, чтобы была с Ним материя, чрез которую существовало бы от Него существующее: будь так, Он был бы ущербен в своем действии (ведь действие Его не существовало бы без той материи, чрез которую исполнилось), а бытие ущербного в своем действии проистекает от иного, ему предшествующего, тогда как Он славнее и выше того, чтобы иное первенствовало над Ним или предшествовало Ему, а следовательно, ложно, что существует с Ним (поскольку Он есть Он) материя.

Кроме того, форма подразделяется на разумную ('ақлий) и природную (табӣ'ий), с одной стороны, и искусственную (сынә'ий), с другой. Разумная — та, что является самосто́но разумеющей, самосто́но разумеемой и самосто́ным разумением; таковое различие вследствие соотношенностей и сопряженностей, ибо одно в самости оно́го является его субстанцией, другое же — его совершенством, принадлежащим его субстанции, от коей и проистекает бытие всего того, что от него существует. Все эти признаки его обязательно предполагают то, что предшествует ему в его бытии, Всевышний же свободен от подобных признаков. Природна же та, что движет то, что ее содержит, и сама движется акцидентально; одно в самости такового является разумеющим, другое же — не таким, а разумеемым. Все сии признаки означают, что раньше оно́го в бытии есть нечто, от чего оно́е и получило бытие, тогда как Он в славе Своей превыше движения и разделенности и всего того, что делало бы обязательным предшествование Ему. Искусственная же является совершенством того, что в ней заключено, и лишь посредством оно́го она и существует. И если Всеславный в великой славе Своей выше того, чтоб быть подобным форме разумной (которой принадлежат и великолепие, и величие, и мощь, и знание, и всеохват, и сила, и могущество), то уж тем более будет выше тех [форм], что уступают этой в величии и великолепии. Он в славе Своей вознесен над тем, чтобы быть им подобным: Он не есть ни форма, ни материя, ни обе они одновременно, и нет с Ним материи, чрез которую действовал бы; Он, поскольку Он есть Он, отличен от всей сотворенной Природы (*хильжа*) с присущими ей атрибутами; Он окутан покрывалом, что стремятся приподнять разумы, дабы узреть то Единство (*вахда*) и поведать о нем иначе, нежели отрицанием атрибутов сущего (субъектов и предикатов, явных и скрытых) при упоминании Всевышнего. Всеславен Тот, Кого не опишут атрибуты и о Ком не поведают слова; нет бога кроме Всевышнего; взываю к помощи Великого Бога за себя и всех верующих и говорю: лишь Великий Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ПЯТАЯ

О том, что у Всевышнего нет ни противоположности, ни подобия

Мы скажем: противоположности свойственно отрицать свою противоположность, так что одна из них существует лишь за счет исчезновения другой; они как таковые чередуются в бытии. Одной из них свойственно являть свою слабость в сопряженности с другой, вследствие чего одна из них теряет воплощенное, бытие, когда другая, с ней сопряженная, появляется в бытии. Всевышнему же не может быть противоположности, ибо будь сия противоположность, то она была бы либо имеющей воплощенность (*қā'им аль-'айн*), либо утратившей ее (*мафқӯд аль-'айн*). Если она утратила свою воплощенность, то тем самым утратила причину своего бытия; а когда что-либо имеет причину, то сия причина предшествует оно́му и ближе его к божественности. Если же сия противоположность имеет воплощенность и бытийствует, так что оба они (Бог и его противоположность.— А. С.) одинаково обладают бытием, то таковое совместное их бытие, когда ни один из них не исчезает, обязательно предполагает нечто, что сохраняет их бытие, ибо две противоположности могут одновременно обладать бытием лишь за счет охраны охраняющего и связи связывающего, который извне сохраняет бытие их обеих вместе, и таковому охраняющему скорее следует приписать божественность. Итак, коль скоро бытие противоположности [Всевышнему] влечет за собой предшествование Ему того, бытие чего невозможно, то и бытие противоположности Всевышнему невозможно и ложно.

Если бы, далее, была у Него противоположность (а Он выше этого), то должно было бы быть нечто, в чем они поочередно появлялись бы в бытии (то один, то другой), дабы сполна получить каждый свою долю бытия как противоположности. Тогда, если бы было то, в чем они поочередно появляются в бытии, опираясь на оно́е в нем (бытии.— А. С.), то оно́ предшествовало бы им, и с ним было бы связано их посменное бытие. Однако Он выше того, чтобы Ему (поскольку Он есть Он) что-либо предшествовало, величавость Его исключает милостивое ходатайство ино́го за Него (поскольку Он есть Он) или связанность оно́сти Его

с чем-либо иным, что было бы Ему (поскольку Он есть Он) причиной. Поскольку же бытие противоположности [Богу] влечет необходимость бытия того, в чем она поочередно [с Богом] получает бытие (и за счет чего имеет предшествующее себе), причем так продолжается до бесконечности, то противоположность Всевышнему невозможна; а коль скоро противоположность Ему невозможна, то и невозможно бытие того, в чем они чередовались бы и что обуславливало бы Всевышнюю оность.

Кроме того, невозможность существования того, от чего происходило бы бытие Его оности и что было бы Ему причиной (а Он выше этого), отрицает Его противоположность. Ведь если у чего-либо есть противоположность, то у него есть и причина, ему предшествующая, с которой и связано его бытие: у противоположностей, как известно, есть причины их бытия, им предшествующие, существующие в сенсительных вещах. А коль скоро есть причина у того, чему есть противоположность, а Всевышний свободен от того, чтобы иметь причину, то противоположность Всевышнему невозможна.

У него, далее, нет и подобия, ибо будь оно, их было бы двое, а поскольку их было бы двое, постольку в каждом из них было бы нечто, отличное от другого, за счет чего и возникла бы двойственность. Таким образом, в каждом из них было бы две части (благодаря коим и существовали бы их самости): одна общая и одна особая, что предполагает необходимость предшествующего им обоим, такого, которое наделило каждого из них его особым, отличив от второго; и такое предшествующее было бы ближе их к божественности. Однако Всевышний возвышен высшим пределом, и не может быть так, чтобы иное Его опережало, и Он был бы ниже оно: Он выше предела всех степеней величия, великолепия, вознесенности, сияния, мощи и блеска, так что разумам не объять Его. Бог вознесен на высший предел, а таковому нет ни противоположности, ни подобия. Слава Богу, кроме которого нет бога, величие которого (поскольку Он есть Он) исключает противоположность и подобие; к Великому Богу взываю и к Нему прибегаю во всех делах своих; слава Богу, Господу миров; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, что языки не способны достойно описать Его

Мы скажем: бытие вещей во всем их различии и противоположности зиждется на том, что они друг на друга опираются, ибо одни другим подходят и соответствуют. Именно благодаря этому они и существуют, как, например, сущее в мире Природы, в котором благодаря взаимному соответствию одно сохраняет другое, каждое связано с каждым и им рождено, а не будь его, не было бы и оно сущего. Огонь, например, со своим жаром и сухостью противоположен воде с ее холодом и влажностью, и оба они появились в бытии в силу [имеющегося] между ними воздуха, который обладает жаром и влажностью: он соотносится с огнем своим жаром и связался с ним, а с водой соотносится своей влажностью и связался и с ней. Так вода, противоположность огня, оказалась связанной и совмещенной с ним таким образом, чрез соответствие и соотношенность. Так же и воздух с землей соединились чрез обоюдное соответствие тому, что соединило их, связав две их стороны, а именно соответствие воде. Если же между одним и другим нет соответствия, то одно питает вражду к другому, не ищет его и не влечет необходимости его бытия.

Коль скоро это так, и поскольку имена и слова суть вещи, означающие другие вещи, которые и обусловили существование слов, то отсюда необходимо следует, что между означающими именами и словами и между ими означаемым существует соотношенность: не будь ее, оно (означаемое.— *А. С.*) не сделало бы их (слов.— *А. С.*) бытие необходимым, и тогда душа не имела бы пути к познанию истинностей вещей. Ведь если бы можно было допустить, что означающее треугольник означало бы квадрат, а означающее кубическую фигуру означало бы и сферическую и наоборот, путь отыскания истинных знаний был бы разорван, и душа не смогла бы до них добраться: запечатляемая ею форма могла бы оказаться формой иного. Но поскольку невозможно, чтобы в означающем форму куба душа увидела форму треугольника, а в означающем форму треугольника — форму квадрата, или чтобы в том, что означает некоторое число, было познано то, что означает другое число,

большее или меньшее (это означающее влечет обязательность только того, что определено соотносительностью, в силу которой оно (означающее.— А. С.) и ищет его (число.— А. С.)), то отсюда вытекает, что соотносительности и соответствию свойственно не означать иного и не влечь обязательности другого.

Поскольку же имена, атрибуты и слова соответствуют означаемому ими, а составлены они из тех простейших букв, из коих строятся и все языки, буквы же суть возникшие (*мухдаса*), то и означаемое ими также является возникшим и подобно им по своему состоянию. А если означаемое буквами, из которых составлены все языки, является возникшим подобно им (буквам и языкам.— А. С.), как мы то показали, Он же (Всевышний в величии своем) не есть возникший, то ясно, что буквы, из коих путем составления возникли все языки, не способны отыскать дорогу к обозначению Его величия — ведь Всевышний отличен от возникших вещей, не имеет с ними соответствия и не относится к их субстанции. А коль скоро Он отличен от возникших вещей, то совершенно невозможно отыскать среди слов и выражений то, что означало бы вещь, достойную Всевышнего Бога; а значит, правы сторонники единобожия, утверждающие, что Он невыразим ни в слове, ни в местоимении.

Да и как буквами означить ту оность, от которой появилось все сотворенное и проистекшее, в том числе и они, Он же, Всевышний, вне их пределов, на вершине могущества, где разума не описать Его никаким атрибутом? Как разума отыскать дорогу к формопознанию Его, если они разумеют лишь субстанциальное и акцидентальное? О нет, Он — в заоблачных высях, в блеске совершенства; Всеславлен Бог, когда всякое о Нем сказанное слово Им же и сотворено; нет бога кроме Него; на Бога уповаю и к Нему взываю, на Него полагаюсь в делах религиозных и мирских и говорю: лишь Бог Великий дарует крепость и силу.

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что наиправдивейшее выражение единобожия, восхваления, прославления и утверждения состоит в неприписывании Всевышнему находящихся в сущем атрибутов

Мы скажем: разумы стремятся утвердить единственность Всевышнего Бога, превознести, восславить и восхвалить Его достойным образом. К тому есть два пути: утверждать за Ним наивысшие атрибуты или отрицать атрибуты и не приписывать их Ему. Поскольку утверждение единобожия и прославление [Бога] путем приписывания Ему атрибутов ведет ко лжи и вымыслам о Всевышнем, когда соотносят с Ним Его не достойное и уподобляют Его Его же творениям, что ниже Его, то наиправдивейший способ утверждения единобожия и восславления состоит не в приписывании атрибутов, но в обратном, а именно в отрицании их.

И вот мы вслед за праведниками единобожия, последователями чистых имамов встали на путь утверждения единобожия и восславления чрез отрицание атрибутов, ибо сие и есть истинная правда. Поскольку правдивость заключается в том, чтобы утверждать в вещи что-либо действительно в ней сущее и отрицать за ней то, чего в ней нет, то мы считаем, что если мы припишем Всевышнему какой-либо атрибут, а тот атрибут — не Его, а иного (ибо он относится к сущему, получившему бытие от Него, кое отлично от Всевышнего), то тем самым солжем — ведь ложь и состоит в том, чтобы приписывать вещи то, чего у нее нет, или отрицать за ней то, что у нее есть. А если мы будем отрицать за Ним какой-нибудь атрибут и тот атрибут будет не Его, а кого-либо иного, то мы в том будем держаться правды. Вот мы и встали на сей путь утверждения единобожия, очерченный руководящими столпами водительства пути к Истине (*тарйк аль-хакк*) (да пребудет с ними благословение Божье!). Ведь именно так мы будем утверждать, восславлять, превозносить и восхвалять [Бога] правдивым словом и утверждать Всевышнего без какого-либо обращения к атрибуту, без всякого сравнения (*таибйх*), уподобления (*тамсйль*) или определения Его: имеющий разумение, истинный брат наш ясно видит такой смысл наших речей.

Если, утверждая чрез отрицание, мы говорим: Он не есть ни это, ни то и ни другое,— и все, что мы отрицали, является сущим в сотворенной Природе, то тем самым утверждается, что к Нему не приложим никакой атрибут и что Он отличен от всякого сущего. Это вовсе не означает отрицания [Бога] (*та'тбиль*), как то представляется некоторым умникам, что мнят себя в здравом уме, а на самом деле суть враги себе. Всепожирающий огонь отрицания [Бога] возгорается маяком безбожия только тогда, когда действие частицы «не» (а оно — отрицание) специально направляется на Всевышнюю оность, дабы подвергнуть ее отрицанию, например, если говорят «не-Он» или «не-Бог». Именно это означает открытое отрицание [Бога], именно оно ввергает душу в пучину гибели, в геенну огненную. Здесь же действие частицы «не» направлено на отрицание атрибутов, а не Всеславной оности, так что отрицаются именно атрибуты, но никак не Всеславная оность.

Здесь точно так же, как когда мы сначала говорим о Боге, «что Он не описываем атрибутом»: частица «не» относится к атрибутам и телам, имеющим атрибуты, отрицая их у Него, сам же Он упомянут словами «что Он»; упомянутый утверждён, отрицаемы же именно атрибуты. Или же когда мы затем говорим, «что Всевышний не есть и не-описываемый атрибутом» — эта фраза подобна первой, поскольку отрицает за Всевышней оностью то, что не подверглось отрицанию в первой фразе (т. е. фразе «что Он не описываем атрибутом»). А именно, действие [отрицания] в нашей фразе «Он не есть и не-описываемый атрибутом» направлено на те вещи, для которых лишенность атрибутов является характерной (таковы души и Разумы, кои выше того, чтобы носить атрибуты тел), дабы отрицать за Всевышней оностью то, что является принадлежностью сих вещей с их самостями, каковы они суть; сама же Всевышняя оность упомянута нами, когда мы говорим «Он», а упомянутый утверждён, и оность есть, отрицанию же подверглось все то, что говорится о сих вещах, так что нет здесь порочного отрицания [Бога] или чего-либо в сем роде.

Поразмыслив над сим непредвзято, всякий поймет, что все погрешившие против истины украшали учения свои, стремясь в утверждении единобожия к тому же, к чему

стремимся и мы, когда используем частицу «не» для отрицания за Всевышним того, что принадлежит иному. В особенности это относится к мутазилитам, которые, начиная с изложения основ учения и украшая свои сочинения, говорили, что Всевышний не описываем атрибутами тварного. Эта фраза подобна нашей, когда мы говорим, что Всевышний не описываем атрибутом и что о Нем не говорится то, что говорится об имеющем определение; а это высказывание подобно тому, когда мы говорим, что Всевышний не описывается атрибутом и в то же время не есть не-описываемый атрибутом (то есть не подобен тому, для кого отрицание определения стало атрибутом). Это их высказывание есть основа нашего учения, и, на нее опираясь, мы утверждаем, что не говорим о Всевышнем ничего, что говорится о тварном,— именно этого мы хотим достичь утверждением единобожия и именно на это направлены наши речи.

Однако мутазилиды утверждали единобожие на словах, в сердце же держали убеждения безбожников, ибо первоначальное их утверждение, что Бог не описываем атрибутами тварного, оказалось опрокинутым, когда они Всевышнему приписали атрибуты, причитающиеся тому, что не есть Бог, ибо говорили, что Он есть Живой, Знающий, Могущественный (и прочие атрибуты). Боже упаси! Мы ведь говорим: [Он] не есть то-то, например: [Он] не описываем атрибутом; это высказывание утверждает то, что не описывается атрибутом. Если сказать: и не то-то, например, и не не-описываемый атрибутом, причем сей «не-описываемый» (не есть то же, что отрицалось частицей «не» в первой фразе, то это будет утверждением того, что не есть то не есть то, что утверждалось в первой отрицающей фразе), а именно утверждением того, что не есть ни описываемое, ни не-описываемое атрибутом. И так далее, пока частица «не» не охватит все сущее без остатка, отрицая в каждом высказывании то, что она утвердила в предыдущем, и утверждая иное, вовсе не имеющее атрибута: отрицание всего будет означать утверждение иного, лишённого всего (*муджафрад*), а именно Всевышнего, который превыше атрибутов того, что имеет атрибуты, который вознесен над тем, чтобы частица «не» могла бы отрицать Ему причитающееся (так что сии врата познания оказываются закрытыми), ибо нет у Всевышнего того, что частица «не» могла

бы пресечь, умалив Его величие; Он в ослепительном блеске своего господства и превознесенности таков, что постигающая мощь разумов иссякает, а светильники познания гаснут.

Сей способ утверждения единобожия, когда берется сущее и отрицается оно само и его атрибуты, чтобы утвердить искомое, свободное от его признаков, не является неизвестным. Его использовали арабы в иных целях, являя в том образцы красноречия. Известно, например, такое описание великодушного и гостеприимного мужа: «Они мало пасутся, часто становятся на колени, а заслышав звуки лютни, убегают: их ждет гибель». В этой фразе описаны верблюды, которых сей муж часто ставит на колени у себя во дворе и не пускает пастись, дабы быстро можно было заколоть их на угощение, а заслышав мелодию лютни, верблюды сразу понимают, что сейчас будут заколоты. Эта фраза утверждает, что сей муж великодушен и гостеприимен, причем атрибут этот ему не приписывается непосредственно в специально имеющих такой смысл словах. И не вследствие отсутствия способностей идти сим путем красноречия к предельной цели выразительности и понимания становятся ясные речи темными, а красноречие — косноязычием; о нет, мы шли совершенно ясным путем единобожия, на котором нет ни единого пятнышка.

Короче говоря, несостоятельность утверждения единобожия посредством приписывания Всевышнему атрибутов (а Он превыше их) как истинных (а не метафорично или как-либо еще в этом роде, к чему бывают принуждены люди ради красноречивости) становится ясной при исследовании сего вопроса. А именно, когда приписывают Ему атрибуты, то либо приходят к невозможному, чего нельзя сказать о Всевышнем, либо уходят в бесконечность, что означает небытие сущего; и то и другое уничтожает единобожие. А именно, если то, на что сущее опирается в своем бытии, не является утвержденным (когда оно было бы утверждено само по себе и не нуждалось ни в чем ином), но для утверждения своей оности нуждается в ином, причем оность сего иного такова же, как и его, так что сие иное будет нуждаться в другом ином, и так до бесконечности, то от него самого не протечет акт (ибо утвержденность его самости обеспечивается иным, и этим он отвлекается от

акта), а значит, не от него самого будет существовать сущее, но всегда от иного. То же ты можешь увидеть на примере чисел, существование коих связано с единицей: если не утверждена она, то и прочие числа не удержатся в бытии. Однако само сущее, бытийствуя, бытием своим глаголет о ложности того, что уводит в бесконечность; а ложность того, что уводит в бесконечность, влечет и ложность высказываний, приписывающих Ему атрибуты (Он выше и славнее атрибутов!).

Мы покажем на примере одного атрибута, как это приводит к невозможному, из чего будет следовать тот же вывод относительно всех остальных атрибутов. Итак, мы скажем: бытие — один из атрибутов; утверждение, что оно должно быть приписано Всевышнему как истинный атрибут, приводит с необходимостью к выводу о том, что у Него, во-первых, есть Всевышняя самость (да славится Всевышний Бог!), которая имеет бытие как атрибут, а во-вторых, сам сей атрибут, бытие, ибо Всевышний не есть сей атрибут, а сей атрибут не есть Всевышний. Тогда сей атрибут, приписанный Всевышнему, неизбежно должен быть обусловлен либо Его самостью (а она превыше того!), либо чем-то иным. Если сама Его самость вызывает и обуславливает сей атрибут, то необходимость его будет связана с утвержденностью этой самости самой по себе, прежде сего атрибута и без него, дабы она могла тогда произвести это действие — вызвать необходимость [атрибута]; а изначальная утвержденность самости означает, что нет ничего ей в том препятствующего и что она не нуждается ни в чем, что как-либо уводило бы ее в сторону от этой утвержденности. Если же самость утверждена без этого атрибута и не нуждается ни в чем, что уводило бы ее в сторону от утвержденности, а бытие есть атрибут, с которым утвержденность никак не связана, то совершенно ясно, что для самости в этом атрибуте нет нужды (ибо сама она утверждена), а значит, нет и необходимой потребности (когда бы, обуславливая его, она приобретала то, чего у нее не было). А коль скоро она в нем не нуждается и не испытывает в нем необходимости (когда бы, обуславливая его, она приобретала то, чего у нее не было), то и приписывать его Ему как обязательный явно невозможно и не соответствует Его достославности, невозможное же нельзя приписывать Всевышнему.

Это в том случае, если обязательность сего атрибута соотносится с Его самостью, которая утверждена прежде сего атрибута. Если же приписать этот атрибут Всевышнему таким образом, что самость не будет предшествовать ему по утвержденности, но они будут в том равны, то это вызовет потребность в чем-то ином, что сделало самость особой (так что она не есть сей атрибут) и атрибут особым (так что он не есть сия самость) — ведь самость не свободна от сего атрибута, как было бы, если бы она его делала необходимым, но сей равный с самостью атрибут не вызван ею и не ею сделан необходимым. Тогда получается, что утвержденность самости связана с необходимостью иного; если же необходимо иное, то и о нем придется говорить подобным образом, и так до бесконечности, что явно невозможно.

Итак, если иное, а не Он, вызывает необходимость сего атрибута, то речь пойдет, как мы сказали, до бесконечности, против чего свидетельствует разум, ибо сущее утверждено. И коль скоро необходимость сего атрибута приводит к тому, что мы показали, а сие ложно, и все атрибуты подобным же образом влекут невозможное, то Всевышний, следовательно, свободен от атрибутов (которые суть под дланью Его творения) и вознесен над ними, Он есть действительность их и всех вещей.

Поэтому, если мы и говорим о бытии Всевышнего Бога, то лишь в качестве вынужденной формы выражения, ибо душа не может пользоваться ничем, кроме возникшего, знание о котором получено через чувство, а оно (бытие.— А. С.) — один из атрибутов действия, проистекающего от Всевышнего в мироздание, обозначаемое как Первое Сущее и Первый Разум. [Проистекающее] от Него действие не обращается на Его самость и не воздействует на нее, как то бывает с нашими действиями, которые, изливаясь в бытие, влияют на наши души и приносят им то, чего у них не было (это мы объясним с Божьей помощью в надлежащем месте); нет, Его действие утверждено и актуально, в чем и заключается разница меж сими двумя действиями. И пусть упрямец не утверждает обратное, уподобляя необходимую утвержденность самости [Бога] атрибутам (о коих мы говорили), приходя в том к замешательству и вступая на бесовский путь, затемняя дело и вводя в заблуждение, выстраивая невозможное. Здесь следует говорить только необходимое,

что утвержденная самость [Бога] превышает атрибутов (все-славен Бог и велик!), а бытие сущего нуждается в утверждении со стороны Всевышнего, на коего и опирается сущее в своем бытии (как мы то показали ранее). Так запираются двери безбожия; всеблаг и всевышен Господь миров, ничто из сущего не соучаствует Ему, поскольку Он есть Он, и нет иного бога кроме Него; лишь Бог дарует крепость и силу; на Бога уповаю и к Нему взываю во всех делах своих; Бог о рабах Своих зоркий попечитель.